ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2011
XX

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
643
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том XX

Экспресс-выпуск • Express-issue

2011 № 643

СОДЕРЖАНИЕ

595-604 Перемещения болотных гаичек *Parus palustris* на Куршской косе по данным многолетних отловов рыбачинскими ловушками. А.В.БАРДИН, М.Ю.МАРКОВЕЦ, Д.В.МИХАЙЛОВ

605-613 К экологии рыбного филина *Ketupa blakistoni* в бассейне реки Бикин. Ю.Б.ПУКИНСКИЙ

613-615 Гнездование саванной овсянки *Ammodramus sandwichensis* в Советском Союзе. В.В.МОРОЗОВ, П.С.ТОМКОВИЧ

615-616 Малый лебедь *Cygnus bewickii* и стерх *Grus leucogeranus* на зимовье в восточном Закавказье. А.Н.КАРАМЗИН

616-618 Питание большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* орехами лещины *Corylus avellana*. В.П.ИВАНЧЕВ

619 Находка жилого гнезда ремеза *Remiz pendulinus* в Козельском районе Калужской области. В.В.ХОХЛОВ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2011
Дата опубликования: 4 апреля 2011

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XX
Express-issue

2011 № 643

CONTENTS

595-604 Movements of marsh tits *Parus palustris* along the Courish spit according to the records of permanent trapping. A.V.BARDIN, M.Yu.MARKOVETS, D.V.MIKHAYLOV

605-613 To ecology of the Blakiston's fish owl *Ketupa blakistoni* in the Bikin river basin. Yu.B.PUKINSKY

613-615 Nesting of the savannah sparrow *Ammodramus sandwichensis* in the USSR. V.V.MOROZOV, P.S.TOMKOVICH

615-616 The tundra swan *Cygnus bewickii* and Siberian crane *Grus leucogeranus* wintering in eastern Transcaucasia. A.N.KARAMZIN

616-618 Feeding of the great spotted woodpecker *Dendrocopos major* on European hazel *Corylus avellana* nuts. V.P.IVANCHEV

619 Finding nest of the penduline tit *Remiz pendulinus* in Kozelsk raion of the Kaluga Oblast. V.V.KHOKHLOV

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2011

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск **643**: 595-604*

Перемещения болотных гаичек *Parus palustris* на Куршской косе по данным многолетних отловов рыбачинскими ловушками

А.В.Бардин, М.Ю.Марковец, Д.В.Михайлов

*Второе издание. Первая публикация в 1992**

Болотную гаичку *Parus palustris* считают строго оседлым видом (Steinfatt 1938; Löhrl 1950; Morley 1950, 1953; Southern, Morley 1950; Gibb 1954, 1956; Anven 1961; Вилкс 1966; Панов 1965, 1971, 1973; Ludescher 1973; Бардин 1975в). Взрослые гаички образуют постоянные пары и проводят жизнь в пределах постоянных территорий. Убыль членов территориальных пар в результате естественной смертности компенсируется за счёт резерва молодых нетерриториальных особей. Для последних образование пар с овдовевшими старыми птицами является одним из основных путей достижения ранга территориальных. Замена погибших территориальных птиц может происходить в течение всего года. При этом вновь образующиеся пары продолжают жить на территориях овдовевших владельцев. Преемственность участков обитания обусловливает консерватизм пространственной структуры населения. Расположение территорий пар болотных гаичек остаётся практически неизменным из года в год (Morley 1950; Southern, Morley 1950; Бардин 1975в; Nilsson 1989 Марковец 2001).

По сравнению со взрослыми, молодые гаички гораздо более подвижны. После распадения выводков они всегда покидают территории родителей и расселяются (Бардин 1975в; Nilsson, Smith 1985, 1988; Nilsson 1989). Обычно изучение сроков, продолжительности, направленности и дальности дисперсии основано на наблюдениях за исчезновением молодых с мест рождения, появлением на их месте новых, неокольцованных птиц, а главным образом – на тщательном сборе сведений о повторных встречах и поимках особей, окольцованных птенцами. Такого рода факты дают богатый материал для анализа дисперсии как **результата** расселения, но не позволяют в должной мере описать сам **процесс** расселения.

Для изучения дисперсии как процесса необходимы наблюдения за движением расселяющихся птиц. Обычно такие перемещения регистрировать трудно, однако в особых условиях они хорошо заметны. Так,

* Бардин А.В., Марковец М.Ю., Михайлов Д.В. 1992. Перемещения болотных гаичек *(Parus palustris)* на Куршской косе по данным многолетних отловов рыбачинскими ловушками // *Тр. Зоол. ин-та РАН* **247**: 7-17.

расселяющиеся особи могут быть встречены в нехарактерных для вида стациях. Они концентрируются вдоль направляющих линий (берега крупных водоёмов, лесные полосы в открытой местности и т.п.), где можно непосредственно наблюдать их передвижение. Хорошую возможность регистрации перемещений расселяющихся птиц даёт использование постоянно действующих ловушек, адаптированных по конструкции и расположению на местности к отлову пролётных птиц. Наиболее удобны для этой цели большие рыбачинские ловушки, сконструированные Я.Я.Якшисом на биологической станции «Рыбачий» Зоологического института Российской Академии наук.

В настоящей работе мы анализируем сезонную динамику перемещений болотных гаичек на Куршской косе по материалам 30-летней работы биостанции по отлову и кольцеванию птиц.

Район исследования

Куршская коса, отделяющая мелководный Куршский залив от Балтийского моря, имеет длину 97 км и ширину от 0.4 до 3.8 км. Лес тянется полосой преимущественно по центральной части косы, поэтому перемещения дендрофильных птиц происходят в основном вдоль неё. Это обстоятельство облегчает отлов и наблюдение расселяющихся синиц.

Леса на Куршской косе представлены преимущественно сосновыми посадками разного возраста (главным образом *Pinus sylvestris*, реже *P. nigra*, *P. montana)* на песчаных дюнах. В междюнных понижениях естественным путём формируются участки березняков (*Betula pendula*, реже *B. pubescens)* с пимесью осины *Populus tremula* и рябины *Sorbus aucuparia*, в заболоченных местах – черноольшаники *(Alnus glutinosa)* с примесью берёзы, осины, реже ясеня *Fraxinus excelsior*. Встречается ель *(Picea abies, P. canadensis)*, образуя в некоторых местах почти чистые насаждения. В окрестностях посёлка Рыбачий сохранились фрагменты широколиственного леса из дуба *Quercus robur*, граба *Carpinus betulus*, липы *Tilia cordata*.

Болотные гаички населяют на Куршской косе лиственные и смешанные леса, образуя мозаичные поселения. Плотность гнездящихся пар в предпочитаемых биотопах составляет 10-12 пар/км^2 (Марковец 1991; Марковец, Высоцкий 1993).

Материал и методика

Отлов и кольцевание птиц на стационаре «Фрингилла» на Куршской косе (Калининградская область) ведётся с 1957 года. Для этой цели используют стационарные рыбачинские ловушки (их описание см.: Эрик 1967; Дольник, Паевский 1976). Ежегодно ловушки круглосуточно работают с конца марта – начала апреля до конца октября – начала ноября. В светлую часть суток выемка пойманных птиц производится каждый час. С 1960 по 1984 год действовали 3 ловушки, в 1977 году к ним прибавились ещё 2, действующие по настоящее время. Первоначально ловушки были установлены на участке дюн, где закрепление песков только начиналось. Теперь стационар расположен в 35-летнем сосновом лесу. По мере роста деревьев отлов ловушками дендрофильных птиц, в том числе и болотных гаичек, увеличивался (рис. 1). Всего по 1989 год включительно в ловушки поймали 272 болотные гаички и получили 118 повторных сведений о 79 особях.

Сезонную динамику отловов рассматривали по декадам. Деление года на декады – стандартное. С 1 апреля начинается 10-я декада.

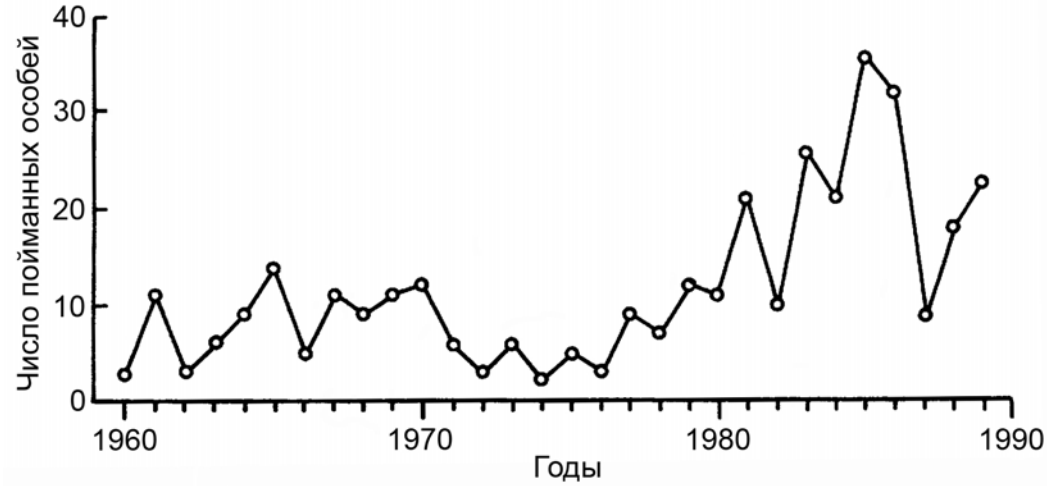

Рис. 1. Динамика ежегодных отловов болотных гаичек.

Результаты

Суммарная за все годы сезонная динамика отловов (включая повторные) болотных гаичек представлена на рисунке 2.

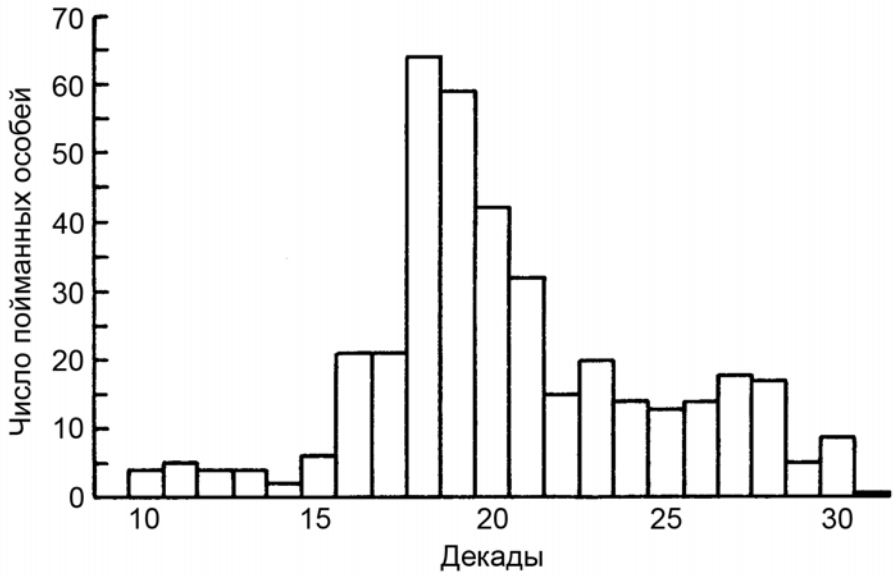

Рис. 2. Сезонное распределение отловов болотных гаичек.

Эмпирическое частотное распределение отловов по декадам значимо отличается от теоретического, построенного в предположении, что гаички ловятся с одинаковой частотой с апреля по октябрь (критерий Колмогорова-Смирнова: $n = 389$; $\lambda^2 = 19.1$; $P < 0.001$). При попарном сравнении наблюдаемых частот с ожидаемыми при равномерном распределении (критерий χ^2 для случая с одной выборкой с поправкой Иейтса на непрерывность, $P < 0.05$), выявлены следующие периоды, когда частота отловов значимо отличается от общей средней (18.5 особи в декаду). С 1 апреля по 30 мая и с 8 по 17 октября гаички ловились значимо реже, а с 20 июня по 19 июля – значимо чаще (см. рис. 2). На последний период приходится 42% всех отловов, на модальную декаду

с 20 по 29 июня – 16%. Только в этот период года гаичек отлавливали ежегодно.

Дальнейший анализ мы провели по данным за последние 10 лет (1980-1989). Этот выбор связан как с резким увеличением отловов болотных гаичек по мере роста леса на стационаре (см. рис. 1), так и с более пристальным изучением синиц на биостанции с начала 1980-х годов, когда начали регулярно кольцевать этих птиц на гнёздах и кормушках.

На рисунке 3 представлено сезонное распределение первичных отловов раздельно для молодых и взрослых особей. Среди пойманных 228 неокольцованных гаичек большинство составляли молодые особи (93%). Неокольцованные взрослые ловились лишь в апреле-мае (одна в июне) и далеко не каждый год. Среди первогодков в первичных отловах преобладали птицы в ювенильном оперении (72%).

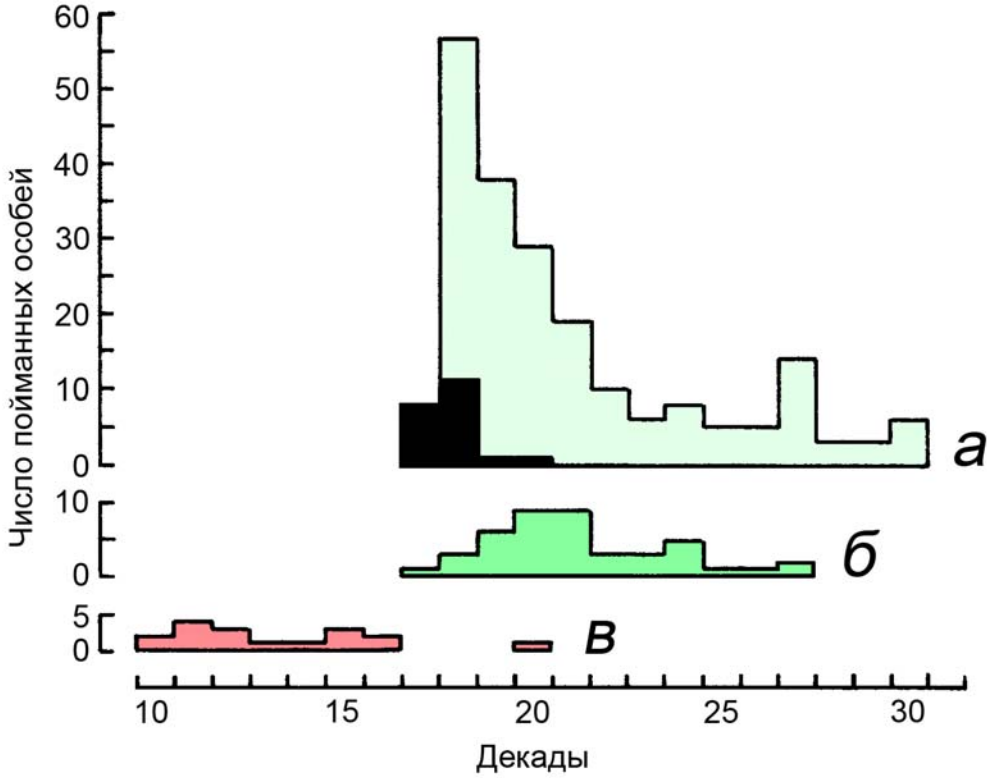

Рис. 3. Сезонное распределение отловов молодых и взрослых особей.
а – молодые (чёрный столбцы – особи, окольцованные птенцами на гнёздах);
б – повторные отловы молодых, окольцованных в ловушке; в – неокольцованные взрослые.

По данным наших исследований, на Куршской косе болотные гаички начинают откладку яиц с третьей декады апреля. Птенцы начинают вылупляться с первой декады мая. В 13-ю декаду вылупление произошло в 2 из находившихся под наблюдением гнёзд, в 14-ю – в 20, в 15-ю – в 17 и в 16-ю – в 1 гнезде (n = 40). Вылет птенцов из гнёзд начинается в последних числах мая. В 15-ю декаду птенцы вылетели из 7 гнёзд, в 16-ю – из 22 и в 17-ю – из 8 гнёзд. Судя по встречам вывод-

ков, в некоторых поздних гнёздах вылет может происходить в 18-ю и даже в начале 19-й декады года. Пик вылупления приходится на вторую декаду мая, пик вылета птенцов – на первую декаду июня.

Молодые болотные гаички начинают попадаться в ловушки с 17-й декады (10-19 июня). С 17-й по 30-ю декады частотное распределение отловов значимо отличается от равномерного (критерий Колмогорова-Смирнова: $n = 211$; $\lambda^2 = 27.37$; $P < 0.001$). От общего среднего (15.1 особи в декаду) значимо отличаются следующие периоды (критерий χ^2, $P < 0.05$): с 20 июня по 9 июля неокольцованные молодые гаички ловились значимо чаще (за это время поймали 45% особей), а с 29 августа по 17 сентября и с 28 сентября по 17 октября – значимо реже (см. рис. 3). Пик отловов приходится на третью декаду июня. В это время поймали 27% молодых особей, все из которых были в ювенильном пере. Мода вылупления и мода попадаемости в ловушку разделены интервалом в 40 сут.

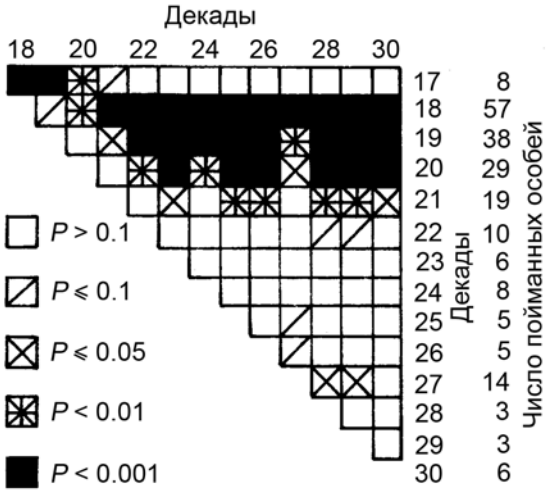

Рис. 4. Сравнение количества пойманных молодых гаичек между декадами (критерий точной вероятности Фишера).

Результаты попарного сравнения частот первичных отловов молодых гаичек между рассматриваемыми декадами (с 17-й по 30-ю) представлены на рисунке 4. Резкий подъём частоты отловов в 18-20-ю декады высокозначим. Осенью, с 18 по 27 сентября, наблюдается второй небольшой пик на фоне низкой попадаемости в ловушки в 25-26-ю и 28-29-ю декады, однако на основании имеющегося материала о существовании осеннего пика нужно говорить с осторожностью.

На рисунке 3 показано также распределение по декадам отловов молодых птиц, окольцованных птенцами в гнёздах ($n = 21$). Как и в общей выборке, пик отловов приходится на 18-ю декаду. У 13 отловленных молодых точно известен возраст. В момент попадания в ловушку во время перемещений им было от 30 до 56 сут, медиана 37 сут, 95% непараметрический доверительный интервал медианы 30–39 сут.

Если одновременно попавшихся птенцов из одного выводка считать как одну варианту выборки, медиана составит 39 сут, квартильное отклонение – 3.5 сут.

Что касается оценки дальности дисперсии молодых болотных гаичек местной популяции, то ловушечные данные дают материал двоякого рода. Во-первых, часть особей, окольцованных птенцами, попадается в ловушки во время перемещений после распадения выводков. Расстояние между гнёздами, где вывелись эти птицы, и ловушкой варьировало от 0.5 до 10 км и в среднем составило 2.2±0.6 км (n = 16). Во-вторых, часть расселяющихся птиц, попавших в ловушки, впоследствии обнаруживаются осевшими на исследуемой территории косы длиной в 20 км. Расстояние от ловушки до места поселения варьировало от 0.5 до 6 км и в среднем составило 1.9±0.5 км (n = 9).

Начиная с 17-й декады в ловушки начинают повторно попадаться уже окольцованные здесь молодые особи. Пик повторных отловов смещён относительно пика первичных отловов и приходится на две последние декады июля (см. рис. 3). В этот период у осевших молодых наблюдается повышенная двигательная активность, связанная с выбором территории первоначального поседения и образованием фратрий. В повторных отловах преобладают особи, окольцованные в начале периода дисперсии. Из 14 гаичек, окольцованных во время осенних перемещений, впоследствии мы не встретили ни одной в пределах обследуемой территории.

Обсуждение

Сезонная и межгодовая динамика перемещений 6 видов синиц на Куршской косе по данным отловов рыбачинскими ловушками в 1957-1966 годах описана в специальной работе Н.П.Одинцовой (1975). В ней обращается внимание на тот факт, что в отличие от большой синицы *Parus major*, лазоревки *P. caeruleus* и московки *P. ater*, у болотной гаички хорошо выражены только летние «кочёвки», а весенние и осенние передвижения незначительны. Материал гораздо большего объёма, собранный сотрудниками биостанции в последующие годы, выявляет в принципе ту же картину. Большинство отловов болотных гаичек приходится на летний период, а именно на третью декаду июня и первые две декады июля. Чаще всего они попадаются в ловушки в конце июня. Именно в это время болотные гаички присутствуют в отловах ежегодно.

Данные многолетних наблюдений в Псковской области, в окрестностях города Печоры, соответствуют обсуждаемым результатам. На передвижения болотных гаичек нельзя не обратить внимания именно в третьей декаде июня, когда движущиеся в одиночку молодые особи появляются в несвойственных виду стациях, перелетают обширные

безлесные пространства и водоёмы. Осенью и весной столь выраженных перемещений у них не наблюдается (Бардин 1975в). Следует отметить, однако, что в Приморье ранневесенние передвижения болотных гаичек носят иногда характер настоящего пролёта (Панов 1973).

Характерно, что все отловленные стационарными ловушками болотные гаички – это в подавляющем большинстве молодые птицы (93%). Из них 72% особей были в ювенильном пере. В третьей декаде июня (модальной по количеству отловов) у всех пойманных гаичек постювенильная линька либо ещё не началась, либо была на самых ранних стадиях.

Изредка попадающиеся в рыбачинские ловушки весной неокольцованные взрослые гаички (судя по повторным отловам части из них) – это, скорее всего, оседлые размножающиеся годовалые птицы, занявшие территории в окрестностях ловушек после ранневесенних перемещений в поисках территориальных вакансий и поэтому не окольцованные в предшествующий летне-осенний сезон (см. ниже).

Таким образом, данные отловов в стационарные ловушки однозначно свидетельствуют о том, что контингент подвижных особей у болотной гаички представлен молодыми птицами, причём в основном они активно перемещаются лишь в течение второго месяца жизни. Этап интенсивных перемещений чётко приурочен к определённому периоду годового цикла – между приобретением молодыми птицами самостоятельности и началом интенсивной постювенильной линьки. При этом гаички ловятся в узком возрастном интервале: квартильное отклонение возраста составляет всего 3.5 сут. Все эти факты указывают на то, что мы имеем дело с расселением молодых птиц, а также, что их расселение приурочено к определённому возрасту (около 40 сут) и происходит в течение непродолжительного времени (порядка 10 сут). На территориях первоначального поселения молодые гаички начинают оседать уже с середины июня.

Описанная картина хорошо соответствует представлениям, сложившимся при наблюдениях за поведением индивидуально маркированных особей. У видов синиц с круглогодичной территориальностью – пухляка *Parus montanus*, канадского пухляка *P. atricapillus*, хохлатой синицы *P. cristatus*, болотной гаички – птенцы после вылета из гнезда некоторое время продолжают держаться выводком на территории родителей. Последние продолжают кормить до 10 и более суток. Период жизни выводком продолжается у молодых пухляков 15-20 сут (Бардин 1975б), у канадских пухляков около 20 сут (Holleback 1974; Weise, Meyer 1979), у болотных гаичек 11-15 сут (Nilsson, Smith 1985; Марковец, Высоцкий 1993). Выводки хохлатых синиц сохраняются заметно дольше – до 36 сут (Бардин 1975б). Затем выводки быстро распадаются, и молодые птицы покидают территории родителей. Это событие

описывают либо как внезапный и быстрый, за редкими исключениями, разлёт молодых (Weise, Meyer 1979), либо как исчезновение молодых птиц поодиночке в течение нескольких дней (Бардин 1975б; Nilsson, Smith 1985, 1988; Nilsson 1989). Наблюдения за перемещением расселяющихся птиц показывают, что они движутся в одиночку и в разных направлениях (Бардин 1975б; Weise, Meyer 1979). На примере болотной гаички показано, что фаза расселения продолжается недолго, и в течение 10 сут после распадения выводков около 75% молодых уже оседают на территориях, где они проведут осень и зиму, а, возможно, и всю жизнь (Nilsson, Smith 1988).

О дальности дисперсии по данным большинства исследований судить трудно, поскольку поиск осевших особей проводят, естественно, лишь в пределах обследуемых территорий. По нашим данным, дальность дисперсии в некоторых случаях может превышать 10 км. В среднем путь расселяющейся особи от родного гнезда до ловушки, а также от ловушки до места поселения должен оценивать половину среднего значения дальности дисперсии. В нашем случае последняя величина составит около 4 км. У болотной гаички в южной Швеции максимальная зарегистрированная дальность дисперсии была 7.3 км (Nilsson 1989). Из 15860 окольцованных в Англии болотных гаичек разного возраста возврат колец получен от 108 особей. Из них далее 5 км от места кольцевания обнаружены 15%, при этом максимальная дальность перемещений составила 55 км (Sellers 1984). Бóльшая часть молодых оседает в пределах 3 км от места рождения. Показано, что самки расселяются в среднем дальше, чем самцы (Nilsson 1989). Ни одна из наблюдавшихся молодых гаичек не обнаружена оставшейся на территории родителей.

Переход к оседлости после обязательной фазы дисперсии сопряжён с образованием пар у молодых птиц и поселением их на территориях взрослых или на свободных участках. Таким путём образуются социальные группы – фратрии, сохраняющие своё постоянство на протяжении позднего лета, осени и зимы. Небольшая часть молодых птиц – так называемые бродячие особи – ведут хотя и оседлый, но более свободный образ жизни, не входя в структуру фратрий.

Молодые птицы остаются на территориях первоначального поселения в течение осенне-зимнего периода. Заместив погибших территориальных птиц или заняв свободную территорию, они остаются здесь на гнездование (Бардин 1975в; Nilsson 1989; Марковец 2001). Не ставшие в течение первого лета, осени и зимы территориальными молодые птицы совершают перемещения в поисках территориальных вакансий ранней весной – во второй половине февраля – марте. Поскольку стационарные ловушки начинают работать лишь с апреля, данные отловов не могли зарегистрировать эти перемещения. Из-за

ранневесенних передвижений у гаичек среди гнездящихся на изучаемом участке особей случается обнаруживать новых, не наблюдавшихся здесь осенью и зимой.

Осенние перемещения у болотной гаички практически не наблюдаются. Во всяком случае, они не носят такого массового характера, как у пухляка. У последнего в осенней миграции участвуют только молодые птицы (Носков 1968; Ehrenroth 1973; Носков и др. 1981). Их происхождение и статус остаются неясными. Во всяком случае, в осенней миграции не принимают участия молодые пухляки, установившие территориальные связи летом (Бардин 1975а,в). Вопрос о том, что представляют собой осенние перемещения пухляка – расселение, инвазии или частичную миграцию с возвращением весной обратно – пока тоже не имеет ответа. Существование осеннего пролёта у болотной гаички на Северо-Западе России ставят под сомнение (Бардин 1975в), однако данные отлова на Куршской косе, кажется, указывают на то, что небольшая часть молодых гаичек может участвовать в осенних перемещениях.

Литература

Бардин А.В. 1975а. Территориальное поведение скандинавского подвида буроголовой гаички (*Parus montanus borealis* Selis-Longchamps) // *Вестн. Ленингр. ун-та* 9: 24-34.

Бардин А.В. 1975б (2009). Поведение молодых пухляков *Parus montanus* и хохлатых синиц *P. cristatus* после вылета из гнезда и их послегнездовая дисперсия // *Рус. орнитол. журн.* **18** (472): 482-485.

Бардин А.В. 1975в. *Сравнительное изучение жизненных циклов некоторых представителей рода Parus (Paridae, Aves).* Автореф. дис. … канд. биол. наук. Л.: 1-24.

Вилкс Е.К. 1966. Миграции и территориальное поведение латвийских синиц и поползней по данным кольцевания // *Миграции птиц Латвийской ССР.* Рига: 69-88.

Дольник В.Р., Паевский В.А. 1976. Рыбачинская ловушка // *Кольцевание в изучении миграций птиц фауны СССР.* М.: 73-81.

Марковец М.Ю. 1991. Затраты времени на различные типы активности и изменение поведения у молодых больших синиц после вылета из гнёзд // *Тр. Зоол. ин-та РАН* **231**: 138-147.

Марковец М.Ю. 2001 (2005). Демография болотной гаички *Parus palustris* на Куршской косе // *Рус. орнитол. журн.* **14** (299): 856-857.

Марковец М.Ю., Высоцкий В.Г. 1993. Биология гнездования болотной гаички *(Parus palustris)* на Куршской косе Балтийского моря // *Рус. орнитол. журн.* **2**, 1: 61-69.

Носков Г.А. 1968. *Миграции птиц на северо-западе Ленинградской области.* Автореф. дис. … канд. биол. наук. Л.: 1-16.

Носков Г.А., Зимин В.Б., Резвый С.П., Рымкевич Т.А., Лапшин Н.В., Головань В.И. 1981. Птицы Ладожского орнитологического стационара и его окрестностей // *Экология птиц Приладожья.* Л.: 3-86.

Одинцова Н.П. 1975. Характеристика передвижений синиц на Куршской косе в 1957-1966 гг. // *Сообщ. Прибалт. комиссии по изучению миграций птиц* **9**: 91-104.

Панов Е.Н. 1965. Структура популяции черноголовой гаички в южном Приморье и формы поведения, поддерживающие эту структуру // *Новости орнитологии*. Алма-Ата: 288-290.

Панов Е.Н. 1971. Биология и поведение черноголовой гаички *Poecile palustris brevirostris* Tacz. на крайнем юге Приморья // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 98-112.

Панов Е.Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.

Эрик В.В. 1967. Большая ловушка для массового отлова птиц // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **40**: 51-55.

Anven B. 1961. Nagra observationer över entitans *(Parus palustris)* biologi // *Vår Fågelvärld* **20**: 145-151.

Ehrenroth B. 1973. Studies on migratory movements of the willow tit *Parus montanus borealis* Selis-Longchamps // *Ornis scand.* **4**: 87-96.

Gibb J.A. 1954. Population changes of titmice 1947-1951 // *Bird Study* **1**: 40-48.

Gibb J.A. 1956. Territory in the genus *Parus* // *Ibis* **98**: 420-429.

Holleback M. 1974. Behavioral interactions and dispersal of the family in black-capped chickadees // *Wilson Bull.* **86**: 466-468.

Löhrl H. 1950. Beobachtungen zur Sociologie und Verhaltensweise von Sumpfmeisen *(Parus palustris communis)* im Winter // *Z. Tierpsychol.* **7**: 417-424.

Ludescher F.-B. 1973. Sumpfmeise (*Parus p. palustris* L.) und Weidenmeise (*P. montanus salicarius* Br.) als sympatrische Zwillingsarten // *J. Ornithol.* **114**: 3-56.

Morley A. 1950. The formation and persistence of pairs in the marsh tit // *Brit. Birds* **43**: 387-393.

Morley A. 1953. Field observations on the biology of the marsh tit // *Brit. Birds* **46**: 233-238, 273-287, 332-346.

Nilsson J.-Å. 1988. Effects of dispersal date on winter flock establishment and social dominance in marsh tit *Parus palustris* // *J. Anim. Ecol.* **57**: 917-928.

Nilsson J.-Å. 1989. Causes and consequences of natal dispersal in the marsh tit, *Parus palustris* // *J. Anim. Ecol.* **58**: 619-636.

Nilsson J.-Å., Smith H.G. 1985. Early fledgling mortality and the timing of juvenile dispersal in the marsh tit *Parus palustris* // *Ornis. scand.* **16**: 293-298.

Sellers R.M. 1984. Movements of coal, marsh and willow tits // *Ring. and Migration* **5**: 79-89.

Southern H.N., Morley A. 1950. Marsh tit territories over six years // *Brit. Birds* **43**: 33-47.

Steinfatt O. 1938. Das Brutleben der Sumpfmeise und einige Vergleiche mit dem Brutleben der anderen einheimischen Meisen // *Beiträge Z. Fortpfl. Vögel* **14**: 84-89, 137-144.

Weise C.M., Meyer J.R. 1979. Juvenile dispersal and development of site fidelity in the black-capped chickadee // *Auk* **96**: 40-55.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск **643**: 605-613*

К экологии рыбного филина *Ketupa blakistoni* в бассейне реки Бикин

Ю.Б.Пукинский

*Второе издание. Первая публикация в 1973**

Биология рыбного филина *Ketupa blakistoni doerriesi* (Seebohm, 1884) – одной из интереснейших птиц фауны Советского Союза – до последнего времени оставалась практически не изученной. Это побудило нас при исследовании гнездовой жизни птиц бассейна реки Бикин в 1969-1971 годах обратить на этот вид особое внимание. Работа проводилась в пойменных лесах в верхнем и среднем течении Бикина на протяжении около 250 км от Силаншанской мари (район Нижнего Перевала) до Улунги. В настоящее сообщение помимо материалов, собранных автором, включены критически отобранные наблюдения охотников-удегейцев, которым, пользуясь случаем, автор приносит глубокую благодарность.

В настоящее время рыбный филин в пойменных лесах Бикина обычный, а местами и многочисленный (в сравнении с другими крупными совами) гнездящийся вид. Плотность его населения на разных участках реки различная. Ниже Верхнего Красного перевала он весьма редок. Имеется лишь устное сообщение Б.К.Шибнева о находке мёртвой птицы зимой 1971 года. Филин был хорошо упитан, причина его гибели неизвестна. На участке реки от Верхнего Красного перевала до посёлка Олон (около 75 км) ежегодно гнездится 3-4 пары. Далее вверх по течению, от Олона до посёлка Ганцанзы (около 120 км) мы обнаружили по крайней мере 9 участков, где регулярно отмечались брачные крики этих сов. Выше Ганцанзы, до посёлка Улунга, гнездящиеся пары встречаются в среднем через каждые 10-12 км. Таким образом, общая численность рыбного филина на отрезке от Верхнего Красного перевала до Улунги, т.е. на протяжении примерно 200 км, – не менее 20 пар.

Далее 300 м от рек или проток рыбных филинов мы ни разу не встречали, так же как и ближе чем в 6 км одну гнездящуюся пару от другой. Охотнее всего рыбные филины селятся на участках реки поблизости от впадения притоков. К этим же местам обычно приурочено большинство «заливов» – ключевых проток с тихой прозрачной водой. Так, например, много лет подряд рыбные филины живут в устьях

* Пукинский Ю.Б. 1973. К экологии рыбного филина в бассейне реки Бикин // *Бюл. МОИП*. Отд. биол. **78**, 1: 40-47.

Чантофу, Олонки, Дунгузы, Метохезы и других притоков Бикина. Во всех этих пунктах русло Бикина разбито на несколько рукавов, а многочисленные протоки делят пойменные кедрово-широколиственные леса на бесчисленное множество островов.

Рыбный филин на реке Бикин – оседлая птица. Раз избранный участок он занимает на протяжении многих лет, вероятно, пожизненно, причём как летом, так и зимой. Сколько-нибудь заметных кочёвок не наблюдается. Лишь в исключительно суровые зимы, при почти полном замерзании реки, птицы слетаются к ближайшим порогам и ключам, где у отдельных полыньей можно встретить одновременно до 5-6 особей. Именно в такие годы отмечается и повышенная смертность птиц, замерзающих прямо на льду. В эти же годы отдельных рыбных филинов местные жители наблюдали у посёлков, где птицы пытались найти корм на помойках (посёлок Ганцанза, зима 1968/69 года).

Об оседлости рыбного филина говорят и другие факты. Нам известно несколько случаев, когда после гибели (отстрела, случайной поимки в капкан) одной из птиц пары вторая не покидала гнездовой участок на протяжении года и более. В конечном итоге эти одинокие, но привязанные к своему участку птицы, как правило, найдя себе пару, размножались в последующие годы тут же.

Наиболее детально мы обследовали 4 гнездовых участка. Несмотря на то, что они располагались в разных районах реки, в среднем и верхнем течении, все они оказались очень сходными, и поэтому можно привести описание лишь одного из них, расположенного в 6 км ниже посёлка Олон.

В этом месте река, огибая Олонскую сопку, сливается в одно русло. иже и выше гнездового участка она вновь течёт тремя основными рукавами (ширина каждого из них от 75 до 200 м, скорость течения – 2-3 м/с), которые в свою очередь, заходя в пойменные леса выше и ниже Олонской сопки, делятся на множество мелких проток, разбивая весь лес на сотни небольших островов. Полоса многоярусного кедрово-широколиственного пойменного леса на расстоянии 1-2 км в стороны от реки постепенно переходит в сырой тёмнохвойный древостой, который, заболачиваясь всё больше и больше, сменяется лиственничной марью – багульниковым болотом. Большинство мелких проток ранней весной (в гнездовой период рыбного филина) имеют слабое течение или же стоячую воду. Часть проток питается ключами и зимой, как правило, не замерзает. Под Олонской сопкой в Бикин впадает речка Олонка общей протяжённостью около 8 км. Берега в устье Олонки так же разбиты на большое число заливаемых при летних паводках островов. Часть их сильно заболочена, часть покрыта девственным широколиственным лесом из вековых ильмов *Ulmus propinqua* и *U. laciniata*, тополей *Populus maximoviczii*, ясеней *Fraxinus manshurica*, амурского

бархата *Phellodendron amurense* и др. Нижний ярус представлен преимущественно черёмухами *Padus asiatica* и *P. maackii*, амурской сиренью *Syringa amurensis* и другими крупными кустарниками. Напочвенный покров – богатое пойменное разнотравье, местами вытесняемое сплошными зарослями папоротников *Dryopteris* sp. Большинство проток, особенно их устья, забиты стволами упавших деревьев и плавником, практически непроходимы для лодок, и по этой причине редко посещаются человеком, исключая зимний промысловый сезон. Для всех водных артерий характерно наличие галечных кос и мелких перекатов. Гнездо рыбного филина находилось в 100 м от русла Бикина и в 80 м от одной из его проток. В заключение надо сказать, что описанный гнездовой участок весьма сходен по своему характеру с местом обитания рыбного филина на реке Иман (Спангенберг 1948).

Рыбный филин – моногам. Пары образуются к концу второго года жизни и, видимо, сохраняются на последующие сезоны. Однако к размножению молодые птицы, вероятно, приступают лишь на третий год. К данному заключению мы подошли на основании следующих наблюдений.

1. Каждое лето примерно треть птиц, за которыми велись тщательные наблюдения, не имели своих гнёзд. Негнездящиеся особи активно токовали на протяжении почти всего лета (гнездящиеся птицы практически перестают токовать уже в мае), однако ток у этих птиц не привязан к строго определённому участку, в противоположность «старым» особям.

2. Негнездящиеся особи в мае-июне интенсивно линяли. При этом сменялись не только контурные перья, но и все маховые и рулевые. У гнездящихся («старых») птиц в указанное время линяли лишь контурные перья.

3. Выводковый период у рыбного филина чрезвычайно длительный. Полностью на самостоятельное питание молодые птицы переходят лишь к маю-июню следующего года.

Наиболее активный ток птиц, готовых к размножению в данном году, как показали собранные опросные сведения, приходится на вторую половину февраля. При этом брачные крики слышны как ночью, так и днём, но чаще всего в утренние и вечерние сумеречные часы. Мы сомневаемся в возможности концентрации нескольких токующих птиц в одном месте в апреле, на что указывает Б.К.Шибнев (1963). Скорее всего, он наблюдал пару взрослых птиц с прошлогодним выводком. По нашим наблюдениям, рыбные филины токуют непосредственно на гнездовом участке, что в свою очередь определяет характерное для этих птиц парное токование.

Помимо описанного выше гнезда нам удалось собрать достоверные сведения ещё о 4 случаях гнездования этой птицы на реке Бикин. Все

гнёзда располагались на деревьях (3 – на ильмах, 2 – на тополях), на высоте от 6 до 18 м. В 4 случаях птицы занимали неглубокие естественные дупла (максимальная глубина лотка по отношению к краю дупла – 45 см) и лишь в одном случае гнездились открыто в разросшейся развилке старого тополя. Размер гнездовых дупел: диаметр – около 50 см, высота – от 65 до 200 см. Заметим, что за пределами Советского Союза, помимо гнездования в дуплах, известны находки гнёзд данного вида в нишах скал и на карнизах над бурными потоками, в старых гнёздах орланов (на высоте до 50 футов от земли) и грифов (Grossman, Hamlet 1964).

О величине кладки рыбного филина, обитающего в Приморье, говорить трудно. Для вида в целом известны гнёзда с 1-3 яйцами, кладка в 2 яйца считается нормой (Grossman, Hamlet 1964; Ali, Ripley 1969). На реке Бикин, как возможно предположить, кладка у рыбного филина начинается в первых числах марта, поскольку в гнезде, найденном 8 мая 1971, мы обнаружили птенцов в возрасте около месяца.

Рис. 1. Птенец рыбного филина за 6 дней до вылета. 22 мая 1971.

О величине выводка можно судить по следующим фактам. В гнезде, найденном нами, было два птенца. В этом же году на Бикине было найдено ещё одно гнездо (Б.К.Шибнев, устн. сообщ.), в котором был один птенец. По свидетельству охотников-удегейцев, в предшествующие годы они нашли два гнезда с двумя птенцами и два – с одним. Встреченные нами 4 выводка, покинувшие гнёзда, содержали не более 2 птенцов одного возраста. Интересно, что наблюдавший рыбных филинов в этих же местах по крайней мере на десятилетие раньше

Б.К.Шибнев (1963) определяет величину выводка в 2-3 особи. Не исключено, что здесь имеется определённая связь с уменьшением рыбных запасов реки Бикин, на что указывают почти все местные жители.

Гнездовой период у рыбного филина продолжается до конца мая (рис. 1). Птенцы, за которыми мы вели наблюдения, покинули дупло в двухмесячном возрасте 28-29 мая. Однако ещё полтора месяца они летали неуверенно и продолжали держаться в непосредственной близости от гнездового дерева. Лишь после этого срока выводок начал заметно перемещаться (в радиусе не более 1 км) в поисках более кормных проток.

Способность самостоятельно добывать себе необходимое количество пищи приходит к молодым рыбным филинам не скоро. Всё лето, осень и, видимо, зиму взрослые птицы подкармливают молодых. Именно зимой, как сообщают охотники, особенно часто можно слышать требовательный свист молодых птиц. Даже в мае (!), как мы в этом убедились, в период, когда у взрослых птиц уже подрастает следующий выводок, прошлогодние молодые нередко наведываются к гнезду, активно требуя корм. Нам неоднократно приходилось наблюдать одновременное кормление взрослыми птицами двух птенцов в гнезде и двух лётных молодых возле него. Эта своеобразная особенность гнездовой жизни рыбных филинов повлекла за собой ряд других и, в частности, отразилась на распределении обязанностей взрослых птиц по отношению к выводку.

В отличие от многих других сов, например неясытей *Strix*, болотных сов *Asio* и др., у гнезда рыбного филина с птенцами более постоянно держится не самка, а самец. Он же преимущественно несёт охрану гнездового участка и птенцов. Совмещая сторожевую деятельность с кормлением, самец вынужден охотиться в непосредственной близости от гнезда. Самка же часто и надолго (до 2 ч и более) покидает гнездовой участок. В это время она кормится сама и подкармливает держащийся поблизости прошлогодний выводок. Поскольку самка летает кормиться на Бикин и перекаты проток, она в основном добывает рыбу. Охотящийся же у гнезда самец довольствуется более мелкой, но зато и более разнообразной добычей.

С вылетом птенцов из гнезда, а особенно после овладения ими навыками хотя бы неуверенного полёта, участие самки в их кормлении возрастает. Одновременно она начинает уделять всё меньше внимания выводку прошлого года, который только к июлю становится полностью самостоятельным. В конце этого месяца прошлогодняя молодёжь совсем покидает гнездовой участок.

Изучая питание птенцов рыбного филина в гнездовой период, мы провели у гнезда 20 ночей. Из укрытия, с расстояния не более 10 м, фиксировали на фотоплёнку все прилёты взрослых птиц с кормом.

Всего зарегистрировано 242 случая. При анализе наблюдений, а также при дешифровке фотоснимков удалось установить, что 154 раза птенцам доставлялись земноводные, чаще всего *Rana temporaria* s.l., реже *Bufo bufo* s.l. и *Hynobius keyserlingi;* 36 раз – рыба: щука *Esox reicherti*, чебак *Leuciscus waleckii*, ленок *Brachymystax lenok*, налим *Lota lota*, гольян *Phoxinus* sp.; 7 раз – лесные полёвки *Clethrionomys* sp. В остальных случаях корм определить не удалось. Из 143 прилётов взрослых птиц к гнезду с подачей голоса в 94 случаях пищу доставлял самец, в 49 – самка. Во время остальных прилётов установить пол птиц часто было трудно, но, учитывая индивидуальные особенности облика и поведения особей, можно предполагать, что и тогда самец приносил корм значительно чаще.

Вскрытая выше особенность в распределении обязанностей родителей при выращивании потомства представляется особенно целесообразной при характеристике гнездового рациона птенцов. Так, основной их корм в мае – земноводные, в частности травяная лягушка. В этот период у последней происходит икрометание и ею буквально кишат все непроточные водоёмы, даже мелкие лужи. Самцу не составляет труда добывать лягушек практически в неограниченном количестве. Добычей же более крупной самки, как отмечалось выше, служит преимущественно рыба, часто весом до 600-900 г. Этот вид корма наиболее доступен птенцам начиная примерно с месячного возраста, когда они сами принимаются расчленять добычу на части.

Рис. 2. Погадка рыбного филина, состоящая из костей земноводных.

Кроме материалов, освещающих питание птенцов рыбного филина в период с 1 мая по 25 июля 1070 и 1971 годов, мы собрали и исследовали 46 погадок и пищевых остатков в районе, где охотились и отдыхали взрослые птицы и годовалая молодёжь. Из них 13 состояли из костей различных рыб и земноводных, 21 содержали кости только земноводных (рис. 2), 8 – кости только рыб, преимущественно чебака,

гольяна и ленка, 4 – остатки раков *Astacus schrenckii*. Интересно, что рыбные филины, обитающие в Индии и Пакистане, имеют более разнообразный рацион. Помимо рыбы и раков они часто поедают крупных насекомых, грызунов и птиц размером до фазана включительно (Ali, Ripley 1969).

Параллельно с изучение питания гнездовых птенцов рыбного филина мы проводили хронометраж прилётов взрослых птиц с кормом, что в свою очередь позволило нам выяснить их суточную активность. Последняя мало зависела от погоды (исключая ливневые дожди, когда птицы переставали летать вообще) и незначительно изменялась на протяжении всех дней наблюдения.

Обычно активный период рыбных филинов начинался около 18 ч. В это время проголодавшиеся за день птенцы просыпались, вставали, разминались, начинали пищать – требовать корм. Однако родители не спешили лететь на охоту. Напротив, подлетев ближе к гнезду и усевшись на один из ближайших ильмов, они начинали токовать. Только покричав около 15 мин, сменив песню на свист, филины улетали за добычей.

Поскольку в большинстве случаев рыбные филины вели себя исключительно стереотипно, мы позволим себе привести результаты наблюдений всего за одну ночь с 15 на 16 мая, не прибегая к обобщению полученных данных. Так, в эту ночь первый прилёт взрослых птиц (которые дневали на ближайшем кедре) к гнездовому дуплу был зафиксирован в 19 ч 30 мин. После непродолжительного перерыва, во время которого птицы около получаса токовали, наступило кормление. Первый корм птенцы получили в 20 ч 30 мин, затем в 20 ч 35 мин, 20 ч 45 мин, 21 ч 00 мин, 21 ч 35 мин, 22 ч 10 мин, 23 ч 00 мин и в 0 ч 15 мин. Затем следовал небольшой перерыв и снова кормление – в 2 ч 01 мин, 2 ч 10 мин. Ещё один перерыв и снова кормление – в 3 ч 55 мин, 4 ч 15 мин, 4 ч 55 мин, 5 ч 02 мин и последний принос пищи в 6 ч 00 мин.

Примечательно, что в сумеречные часы филины птенцам приносили, как правило, земноводных, ночью – рыбу.

Стоит остановиться на манере охоты рыбных филинов. Нам не удалось наблюдать их бродящими по воде или стоящими подолгу на перекатах, на что указывает, например, Г.П.Дементьев (1951). Обычно охота протекала иначе.

Выбрав мелкий перекат или протоку, а то и просто яму с водой, птица усаживалась на её берегу. При этом часто использовались нависшие над водой стволы деревьев, выступающие кряжи, камни и кочки. На таком наблюдательном посту охотящаяся птица может оставаться неопределённо долгое время. Лишь заметив на перекате или у поверхности воды добычу, она бросается на неё и словно скопа выхва-

тывает из воды, поднимая каскад брызг. С крупной рыбой птицы обычно садится тут же на берегу. Съев голову и переднюю часть тела, она отправляется с остатком добычи к гнезду, неся её в лапах. Если добыча поймана недалеко от гнезда и некрупная (например, лягушка), птица несёт её в клюве. В отношении способа добывания корма рыбный филин, по-видимому, близок к цейлонской рыбной сове *Ketupa zeylonensis* Gmelin 1788 (Legge 1880), с которой он находится в несомненном родстве.

В заключение несколько слов о звуковых возможностях рыбного филина. Голосовые реакции этой совы в большинстве своём должны быть отнесены к сигналам, по классификации А.С.Мальчевского (1972), расширенного ситуативного значения. Из них обращают на себя внимание два типа призывных сигналов (глухое двойное «уханье» и протяжный громкий свист) и песня-дуэт, которая строго определённа и формируется на базе согласованных глухих призывных криков самца и самки. Последним рыбный филин в значительной мере отличается от обыкновенного филина *Bubo bubo* и одновременно подтверждает своё родство с другими рыбными совами *Ketupa*, к роду которых в настоящее время и относится данный вид (Baker 1934; Peters 1940; Дементьев 1951; Иванов, Штегман 1964).

Из сопутствующих звуков, производимых рыбным филином, можно указать на хорошо слышимый в тихую погоду за десятки метров шум от маховых перьев при полёте. Этим рыбный филин в значительной мере отличается от большинства настоящих сов, обладающих «бесшумным» полётом. Причина слышимости полёта рыбного филина несомненно кроется в относительной узости маховых, на что указывают многие авторы (Воробьёв 1954; и др.).

Выводы

Рыбный филин – обычная, оседлая, гнездящаяся птица бассейна реки Бикин. На участке протяжённостью около 200 км зарегистрировано по крайней мере 20 пар. Моногам. Пары образуют к концу второго года жизни. Однако к размножению молодые птицы приступают не раньше, чем на третий год. Гнёзда устраиваются, как правило, в дуплах. Откладка яиц приходится на начало марта. Вылет птенцов – на конец мая. Величина выводка – 1-2 особи. К полностью самостоятельной жизни птенцы переходят лишь на втором году жизни. Основная пища в весенний и летний сезоны – земноводные, рыба, раки.

Литература

Воробьёв К.А. 1954. *Птицы Уссурийского края*. М.: 1-360.

Дементьев Г.П. 1951. Отряд совы Striges или Strigiformes // *Птицы Советского Союза*. М., **1**: 342-429.

Иванов А.И., Штегман Б.К. 1964. *Краткий определитель птиц СССР*. М.; Л.: 1-528.
Мальчевский А.С. (1972) 2009. О разнообразии и классификации звуков, издаваемых птицами // *Рус. орнитол. журн.* **18** (500): 1267-1311.
Спангенберг Е.П. 1948. Новые сведения по распространению и биологии птиц Уссурийского края // *Охрана природы* **6**: 3-14.
Шибнев Б.К. (1963) 2009. Наблюдения за рыбным филином *Ketupa blakistoni* в Уссурийском крае // *Рус. орнитол. журн.* **18** (472): 481-482.
Ali S., Ripley S.D. 1969. *Handbook of the Birds of India and Pakistan*. London.
Baker E.C. 1934. *The Identification of Birds of the Indian Empire*. London.
Grossman B.M., Hamlet J. 1964. *Birds of Prey of the World*. New York.
Legge W.V. 1880. *A History of the Birds of Ceylon*. London.
Peters I.L. 1940. *Check-list of Birds of the World*. Cambridge.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск **643**: 613-615*

Гнездование саванной овсянки *Ammodramus sandwichensis* в Советском Союзе

В.В.Морозов, П.С.Томкович

*Второе издание. Первая публикация в 1980**

Область гнездования саванной овсянки *Ammodramus (Passerculus) sandwichensis* (J.F.Gmelin, 1789) занимает обширную территорию и расположена целиком в Северной Америке (Степанян 1978). В литературе имеется несколько сообщений о залётах саванных овсянок в пределы Советского Союза. Этот вид отмечен в посёлке Уэлен на Чукотском полуострове (Портенко 1973), на острове Врангеля (Успенский и др. 1963), на полуострове Де-Фриза в окрестностях Владивостока (Омелько 1974), на косе Беляка в Колючинской губе Чукотского полуострова (Кондратьев 1977; Кречмар и др. 1978), в Приморье в Сихотэ-Алинском заповеднике у озера Благодатное (Елсуков 1977).

Сравнительно частая регистрация саванных овсянок на Чукотке и Дальнем Востоке позволяла предполагать возможность гнездования этого вида в пределах СССР.

8 июня 1979 на востоке Чукотского полуострова в 5.5 км южнее посёлка Уэлен мы встретили пару саванных овсянок, кормившихся на земле у края снежника. Поблизости от этого места мы вновь обнаружили двух саванных овсянок, перепархивающих над самой землёй

* Морозов В.В., Томкович П.С. 1980. Гнездование саванной овсянки *(Ammodramus sandwichensis)* в Советском Союзе // *Зоол. журн.* **59**, 10: 1592-1593.

среди кочек, разнотравья и редких кустиков ивы. В клювах обеих птиц были насекомые, что свидетельствовало о наличии у них птенцов. Затем удалось найти гнездо с четырьмя ещё слепыми птенцами. На дне гнезда лежал мёртвый, втоптанный в подстилку пятый пуховой птенец.

Гнездо было расположено в средней части сравнительно пологого (20-25°) склона сопки юго-юго-западной экспозиции. В этом месте развита слабо заболоченная мохово-осоковая тундра со стелющимися ивами и слабо выраженной бугристостью. Повсеместно имелись небольшие пятна сфагнума, кое-где – сырые моховые мочажины и лужицы с водой, разбросаны отдельные крупные валуны. Вблизи находилась ложбина временного ручья, поросшая разнотравьем и единичными низкими кустиками ивы. В 50 м ниже по склону начинались террасы с хорошо развитым ивняком и небольшими россыпями камней.

Гнездо помещалось на земле на ровной поверхности склона, лишь сверху и сбоку над ним выступали края едва выраженной кочки; оно было как бы «вдавлено» в основание этой кочки. Гнездо было хорошо укрыто куртинками осок, листьями и стеблем ивы. Его каркас был сплетён из крупных сухих прошлогодних листьев осок, включая несорванные листья растений, растущих непосредственно возле гнезда. Выстилка состояла из тонких, возможно, расщеплённых вдоль листьев осок и злаков. Диаметр гнезда 9×7, диаметр лотка 6.5×5.5, глубина лотка – 4.8 см. Гнездовая постройка и характер расположения найденного нами гнезда оказались в достаточной степени типичными для птиц этого вида с территории Аляски (Gabrielson, Lincoln 1959). Взрослые овсянки возле гнезда издавали однообразные звуки, которые можно выразить как короткое отрывистое *«ци»*.

Можно отметить скрытность саванных овсянок в период гнездования. Об этом же сообщают Габриельсон и Линкольн (1959), по сведениям которых даже песня не способствует обнаружению этих птиц. Она очень тиха, и лишь два последних её слога можно услышать на близком расстоянии. Самец поёт, сидя на низкой присаде, которой обычно служат стебли трав, кочки, камни или вершинки низких ив. Птицы всегда держатся возле самой земли, будучи спугнуты неохотно перелетают на короткие дистанции и никогда не поднимаются высоко в воздух. В области гнездования на Аляске саванные овсянки никогда не образуют стай, но во время миграций иногда присоединяются к стаям других птиц.

Из интересных особенностей биологии саванной овсянки следует упомянуть, что птицы с территории Аляски летят на зимовку сначала в восточном направлении в Канаду и лишь затем поворачивают на юг (Gabrielson, Lincoln 1959). Широтный пролёт, вероятно, способствует залётам этих овсянок на Чукотку, и их гнездование на востоке Чукот-

ского полуострова носит спорадичный, нерегулярный, возможно, случайный характер.

Литература

Елсуков С.В. 1977. О редких птицах северо-востока Приморья // *7-я Всесоюз. орнитол. конф.: Тез. докл.* Киев, **1**: 58-59ю

Кондратьев А.Я. 1977. Новые данные по орнитофауне севера Восточной Чукотки // *Орнитология* **13**: 22-24.

Кречмар А.В., Андреев А.В., Кондратьев А.Я. 1978. *Экология и распространение птиц на Северо-Востоке СССР*. М.: 1-195.

Омелько М.А. 1974. Новая находка саванной овсянки в СССР // *Орнитология* **11**: 397.

Портенко Л.А. 1972. *Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля*. Л., **1**: 1-424.

Портенко Л.А. 1973. *Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля*. Л., **2**: 1-324.

Степанян Л.С. 1978. *Состав и распределение птиц фауны СССР: Воробьинообразные Passeriformes*. М.: 1-392.

Успенский С.М., Бёме Р.Л., Велижанин А.Г. 1963. Авифауна острова Врангеля // *Орнитология* **6**: 58-67.

Gabrielson I.N., Lincoln F.C. 1959. *Birds of Alaska*. Washington: 1-922.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск **643**: 615-616*

Малый лебедь *Cygnus bewickii* и стерх *Grus leucogeranus* на зимовье в восточном Закавказье

А.Н.Карамзин

*Второе издание. Первая публикация в 1912**

В южной части Бакинской губернии, по низовью реки Куры, Каспийскому побережью и в прилегающих степях Джеватского и Ленкоранского уездов находится самое богатое по числу зимующих птиц место в пределах Европейской России и Кавказа. Этому способствует тёплая зима, отсутствие снежного покрова, незамерзающие воды и малая населённость описываемой местности.

Здесь я приведу несколько данных о зимовье малого лебедя *Cygnus bewickii* и белого журавля *Grus leucogeranus*. У М.А.Мензбира (1895, с. 425) есть указание, что *G. leucogeranus* в небольшом числе зимует в

* Карамзин А.Н. 1912. *Cygnus bewickii* Yarr. и *Grus leucogeranus* Pallas на зимовье в восточном Закавказье // *Орнитол. вестн.* **3**, 4: 304-305.

Закавказье. По моим наблюдениям, стерх зимует здесь в значительном количестве: я наблюдал большие стаи (особей в 100-200 и более) этих великолепных птиц. Самых ранних белых журавлей я заметил 4 октября 1904, сразу стаями. В 1907 году 25-28 февраля и 2 марта я видел отлетающие большие стаи стерхов; путь они держали на север и летели таким же строем, как и серые журавли *Grus grus*. Эти осторожные птицы держатся зимой стаями по мелководным разливам Куры и Аракса; особенно часто попадались они мне на озёрах: Казённом Амбаре и Ах-Чале в Джеватском уезде. 15 декабря 1911 на последнем озере добыт старый самец этого вида.

На зимование *C. bewickii* в Закавказье указывает М.А.Мензбир (1895, с. 715). Мною малый лебедь впервые замечен зимой 1910/11 года. Зима этого года отличалась чрезвычайной суровостью: температура в Карачалах (моё имение на Куре) опускалась до минус 16°С; выпало много снега, и не только стоячие водоёмы, но и Кура покрылась льдом; остались лишь небольшие полыньи, где скоплялась масса водяной птицы. На одном из таких незамерзающих участков озера Ах-Чалы, близ Сальян, 20 декабря 1910 было добыто охотником два малых лебедя. Один старый экземпляр (крыло 427 мм), а другой молодой (крыло 421 мм), с остатками серого оперения на шее, спине и крыльях; у обеих птиц жёлтый и грязно-мясной цвет на клювах доходил лишь до ноздрей. По всем признакам это были типичные *Cygnus bewickii*.

Литература

Мензбир М.А. 1895. *Птицы России*. М., **1**: I-CVIII, 1-836.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск **643**: 616-618*

Питание большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* орехами лещины *Corylus avellana*

В.П.Иванчев

*Второе издание. Первая публикация в 2001**

Использование орехов лещины обыкновенной *Corylus avellana* в качестве объектов питания большими пёстрыми дятлами *Dendrocopos major* отмечается в целом ряде работ (Осмоловская, Формозов 1950;

* Иванчев В.П. 2001. Питание большого пёстрого дятла орехами лещины обыкновенной //*Орнитология* **29**: 328-329.

Гладков 1951; Барабаш-Никифоров, Семаго 1963; Киселёв 1971; Мальчевский, Пукинский 1983). Судя по данным, приводимым этими авторами, орехи лещины – случайный вид корма.

Наши наблюдения проводились в окрестностях посёлка Брыкин Бор (центральная усадьба Окского заповедника) в хвойно-широколиственном лесу с густым подлеском из рябины *Sorbus aucuparia* и лещины. 27 июля 1988 мы наблюдали, как самец большого пёстрого дятла с соплодием из четырёх орехов лещины подлетел к кузнице на дубе, выбросил оттуда раздолбленный ранее орех, закрепил вновь принесённые и стал их долбить. Под деревом, на котором находилась кузница, мы собрали 32 раздолбленных ореха. Часть обработанных орехов была расколота на две половинки, у другой части выкалывался лишь верхний кусок скорлупы, составляющий приблизительно треть всей поверхности. В тот же день в 300 м от первой кузницы была найдена ещё одна, под которой лежало 68 раздолбленных орехов (дятел отлетел при нашем приближении).

13 августа 1988 при повторном посещении первой кузницы мы собрали под ней 41 раздолбленный орех. Кроме того, найдена ещё одна кузница, принадлежавшая взрослой самке большого пёстрого дятла. Под ней, наряду с зелёными шишками сосны *Pinus sylvestris*, лежали 6 раздолбленных орехов. Как под первой, так и под второй кузницами под прошлогодними листьями найдены многочисленные осколки скорлупы от орехов лещины, раздолбленных в прошлые годы.

По всей видимости, часть особей большого пёстрого дятла, обитающих в хвойно-широколиственных и широколиственных лесах с участием лещины, в период созревания орехов регулярно использует их. В 1988 году, например, из 7 дятлов, обитающих на площади 25 га, это было установлено по крайней мере для 3 особей. Употребление орехов в пищу большими пёстрыми дятлами наблюдалось и в 1989 году начиная с 25 июля.

Несомненный интерес представляют следующие данные. При осмотре раздолбленных орехов замечено, что наряду с плодами, содержавшими здоровые, хорошо оформленные ядра, у части середина плода была поражена чёрной гнилью, личинками насекомых или же была заполнена волокнистой тканью. Для проверки возможной избирательности дятлами орехов, содержащих здоровые ядра, сравнили орехи, собранные под кузницами и с кустов лещины (см. таблицу).

Соотношение здоровых и поражённых плодов, собранных в лесу и под кузницами дятлов, существенно различается у двух птиц. При почти одинаковой поражённости орехов в районе кузниц доля здоровых плодов среди обработанных двумя дятлами заметно различается. Это определяется неодинаковой поражённостью орехов вредителями и болезнями не только в разных участках леса, но даже и у близко рас-

положенных кустов и связано с особенностями поведения птиц при кормёжке. Наблюдая за действиями дятлов при раздалбливании шишек сосны, мы часто отмечали, что дятел много раз срывал шишки с одного и того же дерева. То же самое имело место и питании орехами. Многократное срывание дятлом плодов с одного сильно поражённого куста приводило к тому, что доля поражённых гнилью и насекомыми орехов лещины, собранных под кузницей, оказывалась значительно больше средней для леса.

Доля здоровых орехов среди собранных
под кузницами дятлов и с кустов лещины вдали от них

Дата	№ кузницы	Число собранных орехов		Доля здоровых	
		Под кузницей	На кустах	Под кузницей	На кустах
27 июля 1988	1	32	111	59.3	69.3
27 июля 1988	2	68	115	82.3	68.6
13 августа 1988	1	41	123	87.8	80.5

Так как поражённые орехи постепенно опадают с кустов, то с течением времени происходит изменение соотношения здоровых и поражённых плодов в пользу первых. Это хорошо демонстрируют сборы 13 августа. Соответственно изменилось и соотношение здоровых и поражённых орехов, найденных раздолбленными по кузницей дятла (см. таблицу).

Литература

Барабаш-Никифоров И.И., Семаго Л.Л. 1963. Птицы юго-востока Чернозёмного центра. Воронеж: 1-211.

Гладков Н.А. 1951. Отряд дятлы Picariae или Piciformes // Птицы Советского Союза. М., 1: 547-617.

Киселёв Ю.Н. 1971. Лесной орех в кузнице дятла // Тр. Окского заповедника 8: 238.

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана. Л., 1: 1-480.

Осмоловская В.И., Формозов А.Н. (1950) 2009. Очерки экологии некоторых полезных птиц леса: Дятлы // *Рус. орнитол. журн.* 18 (476): 575-605.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск **643**: 619*

Находка жилого гнезда ремеза *Remiz pendulinus* в Козельском районе Калужской области

В.В.Хохлов

*Второе издание. Первая публикация в 2002**

Первый раз пару ремезов *Remiz pendulinus* отметили 7 мая 2001 на торфяном болоте в окрестностях станции Киреевская (Козельский район, Калужская область). Птицы беспокойно перелетали с куста на куст, издавая характерные тревожные крики, при этом самец держал в клюве строительный материал.

Гнездо ремеза было найдено 25 мая 2001. Оно находилось на берёзе над водой на высоте 4.72 м и на расстоянии 1.25 м от ствола. Гнездовое сооружение располагалось на тонких концевых веточках и было построено из пуха ивы, рогоза, одуванчика, чертополоха, а также включало в себя тонкие размочаленные стебли травянистых растений и в незначительном количестве перья птиц. Диаметр летка составил 3.5 см. В гнезде были найдены 5 птенцов с только начавшими пробиваться пеньками перьев и 2 яйца. Одно яйцо – 17.5×13.0 мм – оказалось неоплодотворённым, в другом – 16.0×12.0 мм – птенец погиб на поздней стадии развития.

Наблюдения, проведённые 10 июня, показали, что взрослые ремезы уже не залезали внутрь гнезда, как раньше, а подлетев, цеплялись за его край и кормили высовывающихся птенцов. Интересен и тот факт, что птенцы проделали в боковой стенке гнезда отверстие, через которое дополнительно получали корм от родителей. В период гнездования ремезов шли частые и сильные дожди, но несмотря на это, выводок был успешно выкормлен. Вылет молодых птиц зарегистрировали 12 июня 2001.

* Хохлов В.В. 2002. Находка жилого гнезда ремеза *(Remiz pendulinus)* в Козельском районе // *Калужский орнитол. вестн.* **3**, 3: 73.